

В. Н. Хохлачева: К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени. Издательство „Наука“, Москва, 1969, 152 стр.

Автор изучает русскую субстантивную деривологию уже много лет. Предметом ее исследования был до сих пор русский язык XIX века, ср. ее статьи *Индивидуальное словообразование в русском литературном языке XIX в. (Имена существительные)*¹⁾ и *Изменения в системе словообразования существительных*.²⁾

В обсуждаемой книге исследуются внутриязыковые закономерности развития отглагольного словообразования существительных в русском языке начиная с первой трети XVIII в. до настоящего времени. Временной отрезок был автором следовательно до значительной степени расширен и монография получает таким образом характер диахронного исследования. В. Н. Хохлачева сделала попытку осветить сложные и до сих пор большей частью не совсем удовлетворительно изученные вопросы словообразовательных отношений с точки зрения взаимодействия частей речи, а именно глагола и существительного.

В введении (5—12) Хохлачева напоминает, что предметом ее исследования являются отдельно взятые единицы словообразовательной системы. Такой единицей Х. называет словообразовательную модель, или словообразовательный тип, рассматривая ее как единство двух сторон: а) структуры и б) функционирования данной структуры. Основное внимание в работе сосредоточено на изучении внутренних факторов, обуславливающих имманентное развитие каждой словообразовательной единицы и словообразовательной системы в целом. Основной проблемой, решение которой необходимо, автор считает проблему отношений, формирующих словообразовательную модель как единство структуры и функционирования, а словообразовательную систему — как самостоятельный ярус языковой структуры.

Монография состоит из двух основных частей. В первой, более общего характера (*Некоторые общие закономерности словообразования существительных*, стр. 13—40), анализируются некоторые словообразовательные модели отыменного типа (в введении на стр. 12 пишется — очевидно по недосмотру — также о моделях отглагольного типа). Главное внимание уделяется здесь словообразованию существительных от основ прилагательных (13—35). Исследуются пять структурных схем модели: I. „производящие отсубстантивные прилагательные на *-н-, -ов-*³⁾ + суфф. *-ик* → производные существительные со значением лица“; II. „прилагательные различной структуры и страдательные причастия на *-нн-, -т-, -м-* + суфф. *-ость* → существительные с общим значением отвлеченного качества“; III. „производящие качественные прилагательные на *-н-* + суфф. *-ик* → производные существительные, обозначающие лиц — носителей указанных основных признаков“; IV. „отсубстантивные прилагательные на *-ский*, имеющие в основе имя собственное или аббревиатуру + суфф. *-ец* → существительное, обозначающее лицо по отношению к признаку, названному основой“; V. „производящие отсубстантивные прилагательные на *-ский*, образованные от основ имен лиц + суфф. *-ство*⁴⁾ → производные существительные со значением отвлеченного качества или собирательности“.

К отмеченному выше необходимо добавить, что в словообразовательных отношениях не принимается участия целое прилагательное, а лишь его основа.⁵⁾

Большое преимущество рецензируемого исследования заключается в том, что в нем очень подробно изучается функционирование отдельных словообразовательных структур. Так, образование названий лиц по первой структуре происходит от основ прилагательных, входящих в состав словосочетаний с существительными, напр. *коммунальный отдел* → *коммунальник*, *шумовой оркестр* → *шумовик*. Дело идет, конечно, об устойчивых словосочетаниях, т. е. таких, которые, — как говорит автор, — обладают

¹⁾ Сб. *Материалы и исследования по истории русского литературного языка*, т. 5, Москва 1962, 166—182.

²⁾ Коллективная монография *Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века*, Москва 1964.

³⁾ Здесь мы рекомендуем дополнить еще мягкий вариант *-ев-*, ср. *пищевик*.

⁴⁾ Точнее: *-ство(в)*, т. е. графическое отделение морфологической характеристики от собственно деривационной морфемы, как правильно было сделано, напр., у суфф. *-ск(ий)* на стр. 17.

⁵⁾ Правильно это сформулировано в следующей главе на стр. 35 и сл.

семантической стабильностью. Поэтому существительные, входящие в такие сочетания, ограничены обыкновенно лишь одним существительным. Например, из всех сочетаний прилагательного *пищевой* (*пищевые запасы, п. продукты, п. отходы* и т. д.) реально производимым для наименования *пищевик* является прилагательное, употребленное в синтагме *пищевая промышленность*. Значение прилагательного выводится из данного употребления. X. называет его позиционно обусловленным. Лексическое значение дериватов опирается на вещественное содержание понятия, названного словосочетанием в целом, напр. неологизм *государственник* в значении „сдающий государственные экзамены“ опирается на содержание конкретного понятия *государственные экзамены*, а не на смысловую структуру слова *государственный* вообще.

Вторая структурная схема относится в современном русском языке к числу наиболее продуктивных, но не к неограниченно продуктивным. Функционирование этой словообразовательной структуры ограничено рядом условий. Имена на *-ость* регулярно не образуются от основ прилагательных, называющих признак внешнего вида человека или животного, типа *бородатый, глазастый*. Далее они не образуются или, образуясь, не употребляются абсолютно, если признак, названный однокоренным прилагательным, оказывается недостаточно широким. Так, например, существительное *беглость* употребляется лишь в сочетании с определяемыми существительными неодушевленными (*беглость взгляда, игры, чтения*). Многие подобные производные на *-ость* остаются в сфере специальных терминологий или в кругу occasionalных или же индивидуальных слов (*сапожность, каторжность* у Достоевского, *названность* у Евтушенко).

Особенности в функционировании третьей словообразовательной структуры заключаются в том, что в современном языке названия лиц на *-ик* образуются только от некоторых качественных прилагательных. Они не образуются, например, от прилагательных *злойный, верный, бледный* и т. д. В этой связи автор отмечает, что в русском языке XVIII — первой половины XIX в. имеется ряд имен лиц изучаемой структуры, вышедших затем из активного лексического запаса (*бездушник, степенник* и др.). Общая непродуктивность этой модели поддерживается и внутренней разрушенностью единого словообразовательного значения производных: данные существительные соотносительны (т. е. параллельно мотивированы) с глаголами, даже производными от исследуемых имен лиц, напр. *развратный — развратник — развратничать (развратник „тот, кто развратничает“)*.

В четвертой структурной схеме автор старается исследовать словообразовательные связи наименований типа *Америка — американский — американец, вуз — вузовский — вузовец*. Возражения у нас есть к ряду *Толстой — толстовый — толстовец* (стр. 24), ибо мы полагаем, что существительное *толстовец* словообразовательно опирается прежде всего на абстрактное существительное *толстовство (толстовец „последователь толстовства“)*. Относительно функционирования данной словообразовательной структуры автор говорит, что реально производящими являются все основы прилагательных на *-ский*, образованных от основ собственных и аббревиатур с некоторыми ограничениями структурного характера.⁶⁾

Что касается функционирования пятой словообразовательной структуры, то между потенциально и реально производящими основами нет никаких расхождений — все основы, соответствующие структуре этой модели, являются реально производящими. Производство имен отвлеченного качества на *-ство* регулируется общественной потребностью в этих наименованиях и не ограничивается условными языкового характера.

На следующих шести страницах (35—40) изучается десубстантивная деривация существительных. В монографии приводится лишь одна структурная схема модели, а именно: „основы существительных + суфф. *-чик (-чи)* → производные существительные со значением лица, обозначенного по отношению к предмету, названному основой“.

⁶⁾ Эти ограничения касаются в большинстве случаев существительных, произведенных от прилагательных без категориальной адъективной морфемы. Это прежде всего прилагательные, образованные от географических названий с малосложной основой типа *Тула, Шуя*, ср. *туляк, шуянин*. Если в производящей основе сохраняется показатель прилагательного, то имена на *-ец* образуются беспрепятственно, ср. *Пенаа → пенз-енский → пензенец*. К этому мы можем прибавить, что все предыдущие изложения о структурных ограничениях можно было бы поправить, если бы мы уточнили схему модели на стр. 24 следующим образом: „отсубстантивные прилагательные на *-ский (обычно -овский, -анский, -енский, -инский)*, имеющие в основе...“

Дело идет, следовательно, об определенном словообразовательном типе из области словообразовательной категории имен носителя активного воздействия на предмет. Функционирование этой словообразовательной структуры ограничено тем, что производящими основами могут быть только основы существительных, обозначающих предмет, выступающий как объект воздействия или как орудие, с которым лицо имеет дело. Это слова типа *аппаратчик, баранчик*.

Ядро книги составляет вторая, более обширная, основная глава (41—137), названная *Отглагольное словообразование существительных*. За краткими общими примечаниями (41—42) следует первая, очень обширная часть, в которой изучаются изменения в образовании существительных, содержащих в своей структуре гласный инфинитивной основы производящего глагола (42—116). Этот отдел в свою очередь разделен на два подотдела, а именно *Изменения в словообразовании существительных на -(е)ние и -тель, связанные с воздействием вида производящего глагола* (43—57) и *Изменения в словообразовании существительных на -(е)ние и -тель, не связанные с видом производящих глаголов* (57—116).

В введении первого подотдела констатируется, что проблема „видовая категория глагола и отглагольные имена изучаемого строения“ существует в виду двух обстоятельств. Во-первых, потому, что производные существительные на *-(е)ние* и на *-тель* сохраняют видоразличительный суффикс глагола; во-вторых, потому, что видовая принадлежность глаголов не служит структурным препятствием при образовании от их основ отглагольных имен, ср. *показать* (сов.) → *показание, моргать* (несов.) → *моргание*, а также *рассмотреть* (сов.) → *рассмотрение* и *рассматривать* (несов.) → *рассматривание* и др.

На следующих страницах (45—53) исследуются изменения в образовании существительных на *-(е)ние* от основ, различающихся видом. Деривация существительных на *-(е)ние* от основ глаголов, коррелирующих по виду по типу: глаголы сов. вида имеют основы на *-и-* — глаголы несов. вида — на *-а-*, весьма стабильна на всем протяжении истории русского языка. Наблюдается появление единичных образований от *-а-* основ несов. вида при массовом образовании имен действия от соотносительных по виду *-и-* основ. При отсутствии параллельных образований, соотносительных по виду основ, отсутствуют и какие-либо семантические оттенки, связанные с перфективными и имперфективными значениями глагольных основ.

Затем автор исследует изменения в деривации существительных на *-(е)ние* от основ глаголов, коррелирующих по виду по типу: приставочные глаголы сов. вида на *-ать, -ить, -еть* и суффиксальные-приставочные (очевидно лишь по недомоту в книге на стр. 47 сверху пишется „бессуффиксальные-приставочные“) глаголы несов. вида на *-(у)вать*. В следующем историческом экскурсе отмечается, что глаголы на *-(у)вать* появляются в русском языке не ранее XVI в., в течение XVII—XVIII вв. они прочно входят в систему глагольного вида. Образование имен отвлеченного действия от этих глаголов расширено уже в XVIII в.: *передыwanie, рассказывание* и мн. др. Таким образом, создались условия, при которых неизбежным оказалась параллельная деривация типа *рассмотрение — рассматривание*. К середине XIX в. этот процесс был в общем закончен и в языке сложились современные нормы, согласно которым образование имен на *-(е)ние* от основ сов. вида, соотносительных с основами несов. на *-(у)вать*, непродуктивно.

Выключение из числа производящих основ глагола любого вида имеет одну направленность: разрушение видовой соотносительности отглагольных имен. Автор стремится ответить на вопрос, почему непродуктивны были в одно время основы сов. вида а в другое время несов. вида. Она корректирует нынешние взгляды, приходя к выводу, что весь ход исторического развития словообразования отглагольных имен на *-(е)ние* указывает на несовместимость категории вида и категориальных значений существительного.

Далее следует глава (53—57) об изменениях в словообразовании названий лиц на *-тель* от основ, различающихся видом. Уже в первом предложении констатируется, что при деривации имен на *-тель* видовая принадлежность глагольной основы, служащей производящей, также не относится к числу структурных ограничений. Имена на *-тель* образуются от основ сов. вида на *-и-* как приставочных, так и бесприставочных глаголов, ср. *совершить* (*совершать*) → *совершитель, решить* (*решать*) → *решитель* и др. Деривация от основ несов. вида на *-а-* единична, напр. *получатель* (← *получать — получить*). От основ несов. вида имена на *-тель* образуются, когда образование от основ сов. вида невозможно в силу морфологических причин, напр. *изобрести — изобретать* → *изобретатель*. И здесь автор приходит к заключению о несовместимости категориальных

значений существительных с видовым значением глагола. В результате этого увеличивается противоположность имени и глагола. Этот тезис является также центральной идеей целой монографии.⁷⁾

Следующий отдел *Изменения в словообразовании существительных на -(е)ние и -тель, не связанные с видом производящих глаголов* состоит опять из двух частей. В первой исследованию подвергаются изменения существительных на *-(е)ние* (58—80), во второй — существительных на *-тель* (80—116).

Образование существительных на *-(е)ние* от основ глаголов сов. вида па *-ить*, коррелирующих с глаголами несов. вида па *-ать*, относится к наиболее активным явлениям в пределах всего словопроизводства существительных с этим суффиксом. Имеется в виду деривация типа *наводнить/наводнять* → *наводнение*. Семантическая индифферентность производных существительных относительно видовых различий сопровождается некоторыми формальными явлениями: основа производного существительного совпадает вследствие йотации, привносимой суффиксом, с йотированной основой несов. вида, ср. *отяготить/отягощать* → *отягощение*. Совмещение процессуальных и непроцессуальных значений является основной чертой семантической структуры имен на *-(е)ние*. Эти существительные в семасиологическом аспекте относятся к разряду многозначных слов, напр. *вычисление* — „1. Действие по глаг. *вычислить* — *вычислять*. 2. Результат этого действия“. Лишь в отдельных случаях имена на *-(е)ние* в процессуальных значениях мотивированы⁸⁾ всей семантикой мотивирующего глагола. Например, существительное *наступление* опирается только на отвлеченные значения глагола *наступить/наступать*, ср. *наступление армии, н. ночи* при невозможности **наступление ногой*, хотя словосочетание *наступить ногой* возможно.

Другой семантической структурой характеризуются производные существительные при видовой корреляции производящих основ: основы префиксальных глаголов на *-ать, -еть, -ить* сов. вида — основы префиксальных глаголов на *-(и)ать* несов. вида. В течение исторического развития русского языка существительные, произведенные от основ сов. вида, отчасти исчезли (*засушение, обработка*), отчасти остались в качестве лексически устойчивых единиц (*воспитание, описание*).

Образование существительных от основ префиксальных глаголов несов. вида на *-и)ать* получило активность на рубеже XVII—XVIII вв., продолжало развиваться ее в языке XVIII—XIX вв. и сохраняет до наших дней. Потенциально от каждого глагола у казанного типа может быть образовано существительное отвлеченного действия.

Существительные на *-(и)вание* представляют собой категорию наиболее „глагольных“ среди других отглагольных имен. В современном языке имена на *-(и)вание* широко используются в качестве собственно терминов. Это положение далее иллюстрируется в книге богатым материалом, почерпнутым из самых различных специальностей (*затвердевание* из химии, *засявление* из биологии, *запаздывание* из теории передачи информации, *отлаживание* из космонавтики и т. д.).

Существительные на *-(е)ние*, произведенные от основ бесприставочных глаголов несов. вида, соотносительных с приставочными глаголами сов. вида, очень часто функционируют при создании специальных терминологий (*кущение* из сельского хозяйства, *рубление, висение* из космонавтики и др.).

В введении обширной главы, названной *Изменения в словообразовании существительных на -тель* констатируется, что эти существительные семантически дифференцированы. Это свойство заложено в системе корреляции имени и глагола. Автор приводит три типа соотношений имен па *-тель* и производящих глаголов: I. Семантические границы производного имени совпадают с семантическими границами производящего глагола (*устроить механизм* → *устроитель механизма*). II. Семантические границы производного имени уже семантических границ производящего глагола (*последовать* — „1. за кем-чем. Пойти, поехать вслед. 2. Кому-чему. Поступать, следуя кому-чему-н. 3. Без доп. Произойти непосредственно после чего-н.“ / *последователь* — „Лицо, строго следующее кому-чему-н.“). III. Семантические границы производного имени не совпадают с семантическими границами производящего глагола. Сюда X. относит существительные на *-тель*, утратившие способность управлять зависимыми именами по типу глагольного управления (*победитель* — ср. *победитель соревнований*).

Затем следует отдел *Изменения в соотношении контекстов употребления существительных на -тель и производящих глаголов* (85—106). При описании изменений в соотно-

⁷⁾ Он является и эпиграфом книги (цитата из Потемби).

⁸⁾ Автор, однако, употребляет только термин „соотносительный“.

шения семантических границ имени и производящего глагола сопоставляются соотношения семантических структур имени и глагола, отмечаемые для более раннего периода (язык XVIII — первая половина XIX в.), с соотношением, характерным для современного языка. Так, напр., глагол *возмутить* управляет вин. беспредложным и род. с предлогом *против*. Существительное *возмутитель* в современном языке употребляется или без управляемых слов в значении „возбуждающий социальные волнения“, или в сочетании с узким кругом управляемых слов: *возмутитель покоя, тишины, спокойствия*. Однако в XVIII — первой половине XIX в. употребление существительного *возмутитель* было шире, ср.: Приверженцы их признали за инсургентов, т. е. за *возмутителей против* законной власти. Подобным образом X. анализирует еще другие 24 существительных. Основательно изучено с этой точки зрения, например, наименование *любитель*, где даются точные правила его синтагматики. Для большей наглядности можно было показать это и схематически. Целое исследование ведет к однозначному заключению, что функционирование этих существительных суживается в сопоставлении с функционированием производящих глаголов, а также возможность непосредственной деривации этих существительных уменьшается.⁹⁾

В следующем разделе (106—112) дается развитие неличных значений существительных на *-тель*. Существительные на *-тель* с неличным значением появились, по-видимому, не ранее XVIII в. Первыми лексикографически зафиксированными словами этого типа являются математические термины *делитель, множитель и числитель* — первоначально, вероятно, кальки (фр. *diviseur, multiplicateur, numérateur*). Общее значение имен на *-тель* („лицо производящее, производящее указанное основной действие“), свойственное им в более ранние эпохи, ко второй половине XIX в. сузилось до значения: „лицо, обозначающее по выполнению социально освоенной функции“. Совпадение основного значения имен лиц и мотива, лежащего в основе неличных наименований, послужило базой для обозначения лиц и нелиц посредством существительных на *-тель*. Эти существительные обозначают субъект по выполняемой функции, независимо от того, является ли обозначенный субъект лицом или предметом. Поэтому некоторые слова на *-тель* называют лицо и нелицо (*издатель, вычислитель* и др.). Автор приходит к выводу, что в современном языке существительные на *-тель* представляют одну систему наименований и, следовательно, один словообразовательный тип. В современном русском языке неличные наименования на *-тель* употребляются прежде всего в специальной терминологии, что в книге иллюстрируется на богатом материале (*усилитель* электромашиный, *двигатель* с расщепленной фазой и т. д.).

На следующих четырех страницах описывается изменения в семантической структуре существительных на *-тель*.

Во втором главном разделе основной главы (117—137) X. стремится проследить изменения в словообразовании существительных, не содержащих в своей структуре гласного инфинитивной основы производящего глагола. Речь идет о существительных на *-ка* и *-щик*.

Сначала исследуются изменения в деривации существительных на *-ка* (117—129). В введении констатируется, что эти слова раньше всего появились в народно-разговорном языке и отсюда постепенно переходили в письменно-книжный язык. С конца XVIII в. в сфере действия суфф. *-ка* вовлекаются глаголы с заимствованной основой на *-(ир)овать*. Для современного языка характерно их активное образование (*браковка, гравировка*). Автор пытается характеризовать структурный тип производящих для имен на *-ка* основ и общее значение производных. Она polemизирует с нынешними взглядами и убедительным образом их исправляет. По ее мнению этот вопрос нельзя решить, исходя только из отношений производных существительных и производящих глаголов. Надо ввести еще отношение имен на *-ка* к другим отглагольным именам и в первую очередь к именам на *-(е)ние*. X. затем приходит к заключению: 1. Существительные на *-ка* как правило не образуются от основ тех глаголов, видовая корреляция которых выражена соотношением форматов *-ить/-ать* и от основ которых продуктивно образуются существительные на *-(е)ние*. 2. Имена на *-ка* систематически образуются от основ глаголов, входящих в другие типы видовых корреляций. Они выражены суффиксально: а) *-ить*,

⁹⁾ Здесь можно было отметить статью А. Г. Лыкова *Некоторые особенности суффикса лица -щик (-чик)*, ВЯ 1958, 1, 122—124, в которой автор установил, что суфф. *-тель* является только пятым по распространенности среди суффиксов, образующих названия лиц (по словарю Ушакова).

-ать (сов. вид) — -ивать (несов. вид), напр. *остановить/останавливать* → *остановка*
б) -нуть (сов. вид) — -(и)ать (несов. вид), напр. *завертка*.

Видовые корреляции могут быть также выражены: а) чередованием неслоговой основы (сов. вид) со слоговой основой на -ва- (несов. вид), напр. *разливка*; чередованиями в основе, напр. *проводка*.

Существительные на -ка, которым свойственно совмещение процессуальных и непроцессуальных значений, семантически и функционально тождественны именам на -(е)ние, образованным от основ глаголов, коррелирующих по виду -ить/-ать и не тождественны именам на -(е)ние, образованным от основ глаголов других видовых корреляций. Отглагольные имена менее вербальные (тип *регулировка*) противопоставлены отглагольным именам более вербальным (тип *регулирование*). Поэтому в деривации наименований на -ка от глаголов на -ить/-ать в системе нет нужды.

Диапазон использования существительных на -ка в литературном русском языке достаточно широк уже с первой половины XIX в., в современном языке особ. в терминологической речи (опытные *варки* в автоклаве). Существительные на -ка во множестве функционируют как собственно термины (*замычка* педальная).

Наконец анализируются изменения в деривации агентивных имен на -щик (129—137). Эти наименования производятся от основ отглагольных существительных на -ка и бессуффиксальных в их процессуальных значениях. Автором устанавливается семантическая связь между существительными на -щик и соответствующими глаголами, а именно опосредованная формально производящими существительными отвлеченного действия. Такой тип семантической зависимости она называет семантической соотносительностью.

Вариантом морфемы -щик является формант -льщик, присоединяющийся к основе инфинитива, причем в структуре дериватов сохраняется гласная инфинитивной основы: *воротить* — *воротильщик*. Обе морфемы дополнительно распределены относительно некоторых формальных признаков: а) -льщик добавляется в тех случаях, когда производящие для имен на -щик основы имеют в исходе согласные, не сочетающиеся с начальным *щ* суффикса: *сушить* — *сушка* — *сушильщик*; б) с помощью -льщик образуются имена лиц в тех случаях, когда базовые глаголы не имеют дериватов на -ка или бессуффиксальных: *гасить* — *гасильщик*.

В историческом экскурсе мы затем узнаем, что первая письменная фиксация слов с суффиксом -щик относится к XIII в. Количество имен на -щик постепенно увеличивалось вплоть до настоящего времени. Расширились и сферы их употребления. К началу XIX в. имена на -щик представляли собой лексическую группировку, внутренне дифференцированную в таких общих границах: 1. терминологические обозначения лиц по роду занятий типа *перелетчик*; 2. обозначения лиц по принадлежности к какой-либо социальной группе типа *закачка*; 3. обозначения лиц по непосредственно совершенному действию, по склонности к свершению действия типа *обманик*.

Вторая группа лексически малочисленна; в современном русском языке слова этой группы имеют как правило узкоспециализированные значения, и поэтому они мало показательны в деривационном отношении. Первая и третья группы противопоставлены друг другу. Слова третьей группы представляют собой производные, соотносительные с любым глаголом и относящиеся ко всем значениям соотносительного глагола. Существительные первой группы соотносительны лишь с теми глаголами, которые называют профессиональное действие, и лишь с отдельными специализированными значениями многозначных глаголов. Словопроизводство существительных третьей группы по направлению к современности значительно сокращается. В современном русском языке выражения типа *обманик*, *спорщик* сохраняются в виде лексически замкнутой группы эмоционально-оценочных обозначений лиц.

Существительные первой группы, наоборот, увеличивают свою словообразовательную активность. Автор затем констатирует, что имена на -щик не образуются, если соотносительные глаголы обозначают абстрактное действие, относящиеся к области психической или интеллектуальной деятельности.¹⁰⁾

В конце книги (138—144) даются выводы целой обсуждаемой монографии. Затем следует список основных источников (145—150) — всего 142 заглавия, в том числе 9 лексикографических трудов. В самом конце (151) приводится содержание книги.

¹⁰⁾ Правильно в этой связи отмечается, что с абстрактными глаголами соотносительны существительные на -тель, ср. *зачинщик* (соры, драки) и *зачинатель* (советской литературы).

Монография В. Н. Хохлачевой теоретически прекрасно обоснована, содержит целый ряд важных и полезных указаний. Она базируется на чрезвычайно богатом материале, почерпнутом путем самостоятельной выборки импозантного количества самых разных произведений. Только специалист, работающий в области дериватологии, умеет, как следует, оценить, сколько усердной, кропотливой работы надо было сделать, какое обилие слов надо было изучить и проверить. Автор должен был исследовать и целый ряд узкоспециализированных терминов самых разных научных специальностей — это само по себе является довольно затруднительным. Жаль, что Х. опирается при толковании лексической семантики исследуемых слов современного русского языка на словарь Ушакова. Нам кажется, что это лексикографическое сочинение является в настоящее время, несмотря на все свои неоспоримые преимущества, все-таки до некоторой степени устаревшим. По актуальности и по объему этот словарь превзойден Большим академическим. Далее приходится сожалеть, что книга не содержит ни предметного указателя, ни указателя слов.

По формальной стороне монография обработана тщательно, опечатки появляются лишь совсем спорадически, напр. *могу* вместо *могут* (стр. 65, строка 15 сл.). В этой связи припомним еще неточное расположение по алфавиту примеров на стр. 85 до 101 (замечание касается существительных *изобретатель, искатель, служитель*).

Несмотря на эти и другие наши отдельные замечания, мы не сомневаемся в том, что рецензируемая книга приносит результаты, которые нельзя игнорировать в дальнейшем исследовании. Монография В. Н. Хохлачевой представляет собой ценный и замечательный вклад в изучение деривации отглагольных существительных в русском языке.

Ивжи Пирачек

J. Larochette: Problèmes de grammaire transformationnelle, l'imparfait et le passé simple. Extrait de Linguistica Antverpiensia, n° 3, 1969.

Dans le 1er chapitre de l'étude „Problèmes de la grammaire transformationnelle“, l'auteur traitant de l'analyse transformationnelle de l'énoncé, souligne le fait que les relations sémantiques et les relations grammaticales ne sont pas toujours nécessairement parallèles. Chomsky qui admet ce parallélisme en se fondant sur la logique, envisage la fonction grammaticale comme une relation entre un élément et la construction entière, tandis que pour M. Larochette la fonction grammaticale consiste dans la relation entre deux éléments d'une même construction. Il distingue la valence virtuelle de la valence actuelle. Dans sa terminologie, la valence virtuelle est l'ensemble des connexions qu'un élément peut avoir avec d'autres éléments tandis que la valence actuelle est chaque type de connexion.¹

A son avis, la grammaire transformationnelle cherche l'irréalisable, en voulant décrire le fonctionnement de l'esprit humain. Il propose de décrire le fonctionnement des langues (du système et de la norme de la langue que le locuteur parle).

Dans le second chapitre, parlant de la fonction des morphèmes, M. Larochette remarque que dans les indicateurs syntagmatiques transformationnalistes on peut trouver à la fois des éléments formels et des éléments sémantiques et que le passage des uns aux autres n'est pas suffisamment justifié.

M. Larochette fait aussi quelques observations concernant le concept central de la technique transformationnelle, c'est-à-dire celui de la „compétence linguistique“.

En parlant du „signifié“, l'auteur a en vue le signifié contextuel, tandis que le signifié virtuel est l'ensemble de tous les signifiés contextuels d'un même signe. M. Larochette écrit que rien ne prouve „que les signifiés de toutes les langues contiennent le même stock de concepts et qu'on puisse en faire l'inventaire“ (p. 162). A son avis, les partisans de la grammaire transformationnelle devraient transformer leur méthode et „rendre compte partiellement de la compétence linguistique de ceux qui parlent une langue donnée de façon à satisfaire les logiciens, mais aussi les psychologues“, car la grammaire devrait se fonder „sur des unités que le locuteur utilise réellement“ (p. 165).

Dans le 4e chapitre, partie centrale de cette étude, l'auteur présente une introduction à l'étude transformationnelle du verbe en français.

¹) L'auteur emploie l'expression de „valence“ qu'il préfère à celle de „fonction“.